

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

Идентичности в социокультурном контексте

Соціокультурні ідентичності та практики / За ред.
А.Ручки. — К.: Інститут соціології НАН України,
2002. — 315 с.

Последние два десятилетия XX века в Европе были отмечены мощным всплеском интереса к проблеме идентичности, что объясняется существенными сдвигами цивилизационного и политического характера — утверждением постмодернизма, глобализацией, появлением многочисленных социальных движений и т.д. Всякий раз на рубеже эпох люди, классы, сословия, народы с особым рвением пытаются уяснить свою принадлежность к социальному пространству, ведь идентичность — это не только духовная категория, но и важный социальный и политический инструмент адаптации и социального конструирования. Интерес украинцев к проблеме идентичности лежит несколько в иной плоскости, нежели обеспокоенность западного человека. Распад СССР и крах господствующей коммунистической идеологии, завоевание политической независимости и волна национального возрождения, вызовы кризисных явлений и геополитической неопределенности — все это погружает и украинскую элиту, и рядовых граждан в проблематику идентичности. Социологическая рефлексия сложных и противоречивых процессов, происходящих в коллективном и индивидуальном сознании, концептуализация идентичности и анализ соответственных социальных практик украинцев являются предметом коллективной монографии сотрудников Института социологии НАН Украины под руководством А.Ручки. В наше время, когда издатели положительно реагируют в основном на учебную и справочную литературу с тысячными тиражами, появление научной монографии — весьма заметное событие, заслуживающее специального обсуждения. Радует то, что тема коллективного труда совпадает с актуальной проблемой, непосредственно затрагивающей каждого социолога и как специалиста, и как гражданина.

Тема идентичности, можно сказать, столетиями прорастала в сознании украинского народа. Вспоминается отрывок из “Зачарованной Десны” Александра Довженко, где любознательный подросток пытается выяснить “кто есть кто”:

- Отец!
- Что, сынок?
- Что там за люди плывут?
- Это издалека. Орловские. Русские люди, из России плывут.
- А мы кто? Мы разве не русские?
- Нет, мы не русские.
- А кто же мы, папа? Кто мы?
- А кто нас разберет, — с какой-то грустью отвечает мне отец. — Простые мы люди, сынок... Хахлы, те, кто хлеб выращивает. Можно сказать, мужики мы... Да... Ой-ой-ой... мужики, и баста. Когда-то казаки, говорят, были, а теперь одно название осталось¹.

¹ Цит. по: Довженко О. Зачарована Десна // Твори. — К., 1967. — С.259–260.

Этот небольшой фрагмент можно тематизировать в нескольких направлениях. Во-первых, здесь прослеживаются этническая, классовая, профессиональная и историческая идентичности, которые, как и положено, путаются в сознании “рядового украинца”; во-вторых, срабатывает интеракционная закономерность, когда человек или группа скорее определяется извне и воспринимает это как собственную идентичность (сами украинцы себя не называли “хохлами”, как, впрочем, и русские — “кацапами”); в-третьих, проступает знакомая ситуация глубокой неопределенности, неуверенности, присущей широким народным слоям и ныне. Украинцы, как малые дети, застряли на первичной социализации и “узких” формах идентичности. Традиционной Украине вообще была свойственна значительная противоречивость, с одной стороны, между “врожденным образом жизни” и эссенциалистским типом идентичности, а с другой — между “духом нашей эпохи” и эпохализмом. Определиться в широких координатах нации, государства, гражданства и геополитических изменений было гораздо сложнее. Украинские просветители и зодчие пытались донести до народных масс “слово правды”, как это делали Н.Костомаров (“Книга бытия украинского народа”) или М.Грушевский (“Кто такие украинцы и чего они хотят?”). Т.Шевченко также работал на то, чтобы “раскрыть глаза” народу, и одновременно интуитивно боялся “момента истины”: “...як Україну злії люде присплять, лукаві, і в огні її, окрадену, збудять...” Нечто подобное как раз и случилось, когда в 1990-е годы начала распадаться “связь времен”, душевный подъем и стремление к “чему-то лучшему и светлому” разбились о реалии хмурого первоначального капитализма с бедностью для большинства и богатством для “избранных”, коррупцией и продажностью чиновников и политиков, мафией, извращением демократии и разочарованием в фундаментальных ценностях. В итоге катастрофически снизилось доверие к власти, снизился индекс национально-государственной идентичности, уступив место разочарованности во всем украинском. Люди из Украины вновь принялись искать лучшую судьбу по всему миру... Таким образом, проблема идентичности для украинского социума остается настоящей, болезненной, как незаживающая рана.

Наше историко-литературное отступление непосредственно не связано с текстом книги уважаемых социологов, оно касается общего значения научной разработки тематики идентичности. А монография отвечает всем критериям научной объективности, незаангажированности, здорового позитивистского подхода к делу. Работа условно разделена на две части: первая глава посвящена концептуализации идентичности и освещению теоретико-методологических проблем, а в следующих на широкой эмпирической базе анализируются идентификационные измерения современного украинского общества и различные социальные практики, связанные с конструктами идентичности. А.Ручка, как автор методологии коллективной монографии, сразу определил исходный треугольник, стороны которого — личность, социум, культура — составляют контекст дискурса идентичности. В дальнейшем руководитель коллектива делает подробный обзор разнообразных концепций и подходов: анализирует взгляды психоаналитиков (Э.Эриксон), интеракционистов (Дж.Мид, Э.Гоффман), а также П.Бергера и Т.Лукмана, Р.Тернера, Р.Дженкинса, Э.Смита, К.Гирца. В основном определяется различие между индивидуальной и коллективной идентичностью. В пределах индивидуальной идентичности выделяются личностные и социальные аспекты, то есть “Я-идентичность” и “Мы-идентичность”. Идентичности формируются в конкретном социальном пространстве, где взаимодействуют разные акторы, являющиеся, таким образом, продуктом социального взаимодействия; параллельно каждая идентичность связана с определенной культурой, ценности и образцы которой интернализируются в процессах социализации и культурации. В итоге упомянутый виртуальный треугольник замыкается в социальных практиках.

В анализе используется терминология Петра Штомпки, отражающая специфические процессы в странах “второго мира” — так называемые “травмы”, связанные с “большими изменениями”. Демографические, структурные, культурные травмы деформируют социальную жизнь посткоммунистических стран, создают травматич-

ческие идентичности. Поэтому кризис идентичности, логично сопровождающий транзитивный период, у нас превращается в травматическую идентичность. На наш взгляд, следовало бы подробнее остановиться именно на этом интересном для читателя аспекте. Из книги мы узнаем, что выходы из кризиса идентичности, врачевание “травмы” могут быть весьма различными: 1) осуществляться по инновационной стратегии, то есть путем мобилизации всех возможных ресурсов — финансового, социального или культурного капитала; 2) происходить как пассивное приспособление к быстро меняющемуся миру (бегство людей от травмы в пассивность, покорность, маргинальность); 3) вызывать появление бунтарских идентичностей. Главное внимание сосредоточено на идентичности в условиях глобализации и постмодерна. Это также интересный аспект, хотя бы потому, что, какими бы отсталыми мы ни были, а внешний мир затрагивает нас иногда неожиданными гранями. Например, в Харькове имело место такое “выдающееся событие”, как собрание флеш-моберов. Это интересно в нескольких аспектах: во-первых, игра во взрывные толпы “докатилась” из США до Украины в считанные недели, а не года и десятилетия, как это было с другими модами; во-вторых, для организации ситуативной толпы используются Интернет и сотовая связь — два символа постиндустриального общества; в-третьих, соответствующие молодые люди с “понтом и приколом” начинают называть себя флеш-моберами. Реальная действительность всегда преподносит сюрпризы и непрогнозируемые события. А какие же идентичности созреют пять, десять, двадцать лет спустя? Не покажутся ли молодым людям, пока даже не родившимся, классовые, этнические, местные идентичности чем-то вроде смешных “фишек”, непонятно почему волнующих их “стариков”?

В эпоху изменений актуализируется проблема легитимации культурных идентичностей. Этот аспект, сигнификационные практики, в книге изучает Наталия Костенко. Она выделяет две основные формы — легитимацию по установкам (институциональный путь) и легитимацию по факту, превращающуюся в реальность в условиях тотального давления телевидения, технологий медиа на общество. Наконец, Раиса Шульга углубляет именно культурную составляющую идентичности. Она определяет идентичность как *“переживание самотождественности индивида с позиций выбранной им ценностной системы мировоззренческого характера”*, а идентификацию рассматривает как процесс, *“обусловленный необходимостью для индивида определиться с собственной идентичностью или подтвердить ее либо, в случае ее утраты, искать такие культурноценностные модели существования, которые бы уравнивали его внутренний мир с миром социокультурным”*. Социокультурное как исходная категория анализа, как “такое определение, где культурное задает ценностный дискурс социальному”, делится на три уровня: макро, мезо и микро; дается краткий обзор украинских реалий в этих терминах.

Мы не будем подробно останавливаться на анализе эмпирического материала, расположенного в книге по векторам идентификации и соответствующих практик, выбранных авторами для изучения. Отметим только, что в монографии освещены следующие темы: 1) этноцентризм украинцев и степень их закрытости или открытости (проблему “своих” и “чужих” исследует А.Ручка, измерения открытости — Л.Скокова); 2) структуры ценностных предпочтений населения, соотношение материалистических и нематериалистических ориентаций (А.Ручка, М.Наумова); 3) этническая идентичность (Л.Аза); 4) политико-идеологические и электоральные идентичности (А.Ручка, А.Вишняк); 5) идентичности в контексте культурных практик (Л.Скокова); 6) религиозные идентичности и практики (Л.Рязанова, О.Севекина). Однако подчеркнем, что в основу анализа положена солидная исследовательская база: данные всеукраинского мониторинга “Тенденции развития украинского общества”, который проводит Институт социологии НАН Украины, начиная с 1994 года; данные “Аксиомониторинга” и “Мониторинга участия населения Украины в культурной жизни”, проводимого отделом социологии культуры и массовых коммуникаций Института социологии; данные других эмпирических исследований Института. Эти ма-

териалы, кстати, могут эффективно использовать преподаватели высших учебных заведений для иллюстраций своих лекций и практических занятий по различным темам социологических дисциплин. К сожалению, авторы не обобщили многоаспектные наблюдения и свои соображения в выводах или послесловии, что несколько снижает операциональные возможности использования книги коллегами, молодыми социологами. Однако это не отрицает главного — публикация монографии суммирует важный этап в исследованиях коллег из Института социологии, это шаг вперед отечественной социологии по пути разрешения одной из наиболее актуальных проблем наших дней.

ИГОРЬ РУЩЕНКО,
*доктор социологических наук,
начальник кафедры общей социологии
Национального университета внутренних дел,
Харьков*